

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ЛИНГВИСТОВ № 021-07/15

г.Москва

«08» июля 2015 г.

Время производства исследования:

Исследование начато: «29» июня 2015 г. в 16 часов 00 минут.

Исследование окончено: «08» июля 2015 г. в 12 часов 45 минут.

Место составления лингвистического заключения: помещение Регионального общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)»: Москва, Зубовский бульвар, д.4, оф.438; часть исследований проведена по адресу постоянного проживания специалиста И. В. Жаркова: Санкт-Петербург, XXXXXXXXXXXXXXXX xxxx xxxx.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основание производства лингвистического исследования: договор № 17-06/15 от 29 июня 2015 г. о проведении судебной лингвистической экспертизы (исследования

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**
Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

специалистов-лингвистов) спорного текста аудиозаписи Сусаняна А. Р. по уголовному делу № 53 876, возбужденному 31.03.2015, заключенный между адвокатом Московской адвокатской палаты А. В. Паршиным и РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС).

Комиссия специалистов-лингвистов Гильдии по документационным и информационным спорам в составе:

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, начальника научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС **Жаркова Игоря Вениаминовича** — кандидата филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 27 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 063-01/14-сэ от 27.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 27 января 2014 г., протокол № 55);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Ученого секретаря ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академика РАЕН **Мамонтова Александра Степановича** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 40 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 065-01/14-сэ от 28.01.2014 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2014 г., протокол № 56);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов **Трофимовой Галины Николаевны** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж работы по специальности - 25 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 067-01/14-сэ от 29.01.2014 г., выдано решением экспертно-

квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 29 января 2014 г., протокол №57) —

произвела комиссионное лингвистическое исследование представленных материалов.

Материалы, представленные для производства комиссионного лингвистического исследования:

- копия **постановления о возбуждении уголовного дела** и принятии его к производству, вынесенного в отношении А. Р. Сусаяна 31 марта 2015 г. следователем по особо важным делам следственного отдела по г. Железнодорожному Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области майором юстиции М. А. Чевтаевым по материалам проверки № 114пр-15, на 1 л.;
- копия **акта** возврата звукозаписывающей аппаратуры и **прослушивания фонограммы** разговора от 28 марта 2015 г., составленного о/у ОЭБ и ПУ УМВД России по г. о. Железнодорожный лейтенантом полиции М. В. Кожемякиным, на 3 л.;
- копия **протокола допроса свидетеля П. А. Самсонова** от 01 апреля 2015 г., составленного следователем по особо важным делам следственного отдела по г. Железнодорожному Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области майором юстиции М. А. Чевтаевым по уголовному делу № 53876, на 5 л.;
- копия **протокола допроса подозреваемого А. Р. Сусаяна** от 03 апреля 2015 г., составленного следователем по особо важным делам следственного отдела по г. Железнодорожному Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области майором юстиции М. А. Чевтаевым по уголовному делу № 53876, на 6 л.

На разрешение комиссии специалистов поставлены следующие вопросы:

1. Следует ли из разговора, что Сусаян А.Р. предлагал взятку за совершения каких-либо незаконных действий?

2. Следует ли из разговора, что Сусанян А.Р. просил совершить Самсонова П.А. какие-либо незаконные действия (неизъятие алкогольной продукции)?

3. Следует ли из разговора, что Сусанян А.Р. осознавал, что разговаривает с сотрудником полиции или, что Самсонов П.А. представлялся Сусаняну А.Р. сотрудником полиции и разъяснял последствия дачи взятки?

4. Следует ли из разговора категоричный отказ Самсонова П.А. от получения денежных средств?

5. Какое точное лексическое значение имеет словосочетание «должностное преступление» в современном русском языке?

6. Какое смысловое содержание имеет словосочетание «должностное преступление» в русской разговорной речи в целом и в данной беседе в частности?

Обстоятельства дела известны комиссии специалистов из представленных материалов в объеме представленного.

Какие-либо лица, обладающие тем или иным процессуальным статусом по уголовному делу № 53876, их представители при производстве данного экспертного исследования **не присутствовали**.

И С С Л Е Д О В А Н И Е

1. Методические основы исследования

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, высказываний и текста в целом, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста, словообразовании, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС).

Поставленные перед комиссией специалистов вопросы частично взаимосвязаны и разрешались совместно.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
6. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».

1.2. Литература

При проведении исследования использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей русского языка. В том числе:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;

13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
19. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. Сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, ред.А.Р. Ратинов. – М.: Фонд защиты гласности, 1997.
20. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
22. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2006.
23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
24. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
25. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
26. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
27. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: НОРИНТ, 2004.
28. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
29. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
30. Современный словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
31. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
32. Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.

33. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
34. Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
35. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.

1.3. Понятийный аппарат лингвистического исследования

Подлинное содержание и свойства текста как продукта речевой деятельности выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *высказывание*, *контекст*, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- **концептуальной** — теоретико-аналитическая информация о природных или социальных закономерностях;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — вопрос, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями). **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Источник информации (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь*, *Как сообщил В. В. Иванов*, *Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента*, *не пожелавший себя назвать*), — а также неопределенными (*По слухам*, *Как говорят все*, *По некоторым сведениям*, *Как нам стало известно*).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

Восприятие речи — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Конситуация текста, высказывания — обстоятельства и факты реальной действительности, существующие на момент создания текста, влияющие на коммуникативные установки говорящего (автора текста). Анализ конситуации позволяет установить подлинный смысл высказываний, составляющих текст, а для ситуации диалогической речи — установить также, как именно было понято то или иное высказывание собеседником.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения выявляется на основе формальных признаков — распознается по наличию специальных маркеров, предусмотренных системой языка, то есть определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит, выявляется на основе семантических (смысловых) свойств суждения. Для распознавания мнения, выраженного в утвердительной форме, имеет значение прежде всего характер информации, содержащейся в высказывании (оценочная, аналитическая, обобщающая).

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом (*столбы обычно высоки*) и т. д.

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Оценочные утверждения (содержащие оценку мнения или предположения, выраженные в форме утверждений), как правило, нельзя верифицировать — проверить на соответствие действительности. Например, нельзя верифицировать утверждение *Елкин — ленивец*, так как у каждого свое представление о лени. Но ср.: *Елкин плохо работает* — утверждение, содержащее оценку (*плохо*), которое подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностные инструкции, нормы трудового законодательства). Бесспорным критерием соответствия действительности той или иной оценки могут служить также вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, содержащие оценку соответствующего факта.

Предположение, в отличие от утверждения, содержит специальные **маркеры предположительности** — слова, обороты и грамматические средства, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается*). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Свойство быть утверждением о фактах, оценочным суждением (оценочным утверждением), предположением и т. п. — это свойство самого высказывания, **форма выражения** информации, объективно ему присущая. Большинство высказываний отражают чье-то личное мнение, но это мнение может быть выражено в различных формах: предположения, утверждения о фактах и т. п.

В высказываниях-мнениях часто содержатся **скрытые** утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он и опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*) и ссылка на якобы имевший место факт "Сидоров опоздал", истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности. Скрытая форма высказываний противопоставлена **форме явной**. Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной,

аналитической или обобщающей, такая информация может сопровождаться различными маркерами предположительности сообщаемых сведений и иными маркерами выражения мнения, как, например, в высказывании *Характерная для многих мусульман практика применения хиджаба в процессе обучения в светских образовательных учреждениях была названа докладчиком социально опасным явлением, противоречащим, по его убеждению, основам конституционного строя Российской Федерации*. При отсутствии таких маркеров скрытая форма выражения информации рассматривается как утвердительная. В приведенном примере наряду с выраженной в явной форме фактической информацией (докладчик назвал практику ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях социально опасным явлением) присутствует множество сведений, выражаемых в скрытой форме: практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является социально опасным явлением (аналитическая информация с элементами оценки в утвердительной форме, со ссылкой на докладчика как источник сведений, отражает мнение докладчика); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является характерной для многих мусульман (обобщающие сведения в утвердительной форме, отражают мнение говорящего); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях противоречит основам конституционного строя РФ (аналитическая информация в форме убеждения докладчика).

Существует также **пресуппозитивная (затекстовая) форма**, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена, но подразумевается. Пресуппозитивная форма является объективной, так как соответствующая информация извлекается из текста любым носителем языка на основе элементарной логики и здравого смысла. Однако не любой вывод, который можно сделать на основе логического анализа текста, может быть отнесен к пресуппозитивной информации. Информация, выраженная в пресуппозитивной форме, объективно присутствует в тексте лишь в том случае, если без этой информации полное понимание текста невозможно. Например, в высказывании *Иван работает на заводе уже двадцать лет* присутствует пресуппозитивная информация «Иван — взрослый человек, находящийся в трудоспособном возрасте». Поскольку пресуппозитивная информация воспринимается слушающим как **заведомо истинная**, пресуппозитивная информация фактического типа в большинстве случаев приравнивается к **утверждениям о фактах**.

Содержание, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Анафорические связи в тексте — отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Чаще всего в спорных текстах эксперты сталкиваются с анафорическим употреблением местоимений. Например: *Петров брал взятки, но ему всегда было мало денег* - во второй части предложения местоимением ему поименован Петров, названный в первой части предложения. Но в языке существуют и иные анафорические средства. Например: *Можно выбрать тот проект, за который в конверте принесут откат, и это было на всех этажах прежнего министерства. И это же продолжается в теперешнем Агентстве* — информация о действиях министерства, изложенная в первом предложении,

полностью относится к действиям Агентства. То есть: в Агентстве, как и в министерстве, выбирают проекты, за которые приносят откаты.

Тема — известное, исходное, данное, то, о чем говорится в высказывании или фрагменте текста. В общем случае высказывание или фрагмент текста может содержать информацию, относящуюся к нескольким потенциальным темам. В зависимости от контекста актуализируются те или иные потенциальные темы. Выделение потенциальных тем возможно с разной степенью конкретизации. Разделение потенциальной темы на отдельные подтемы и объединение нескольких тем в гипертему носит условный характер, не оказывает решающего влияния на результаты лингвистического исследования; основным критерием, определяющим необходимую степень конкретизации той или иной темы, является операциональность. Под темой высказывания или фрагмента текста в настоящем заключении понимается актуализированная потенциальная тема. Термин *тема* не используется в настоящем заключении в узкоспециальном значении компонента высказывания, выделяемого в рамках актуального членения предложения.

Коммуникативное намерение определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания, т. е. спрашивает ли он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т. д. Коммуникативные намерения являются регулятором вербального поведения партнеров. Значения слов языка, обозначающих конкретные коммуникативные намерения, таких как *просьба, предложение, намек, угроза*, носят **металингвистический** характер, так как эти слова используются в тождественных значениях и как обычные лексические средства (слова языка), и в качестве лингвистических терминов, служащих для описания языковых явлений.

Вопрос — высказывание, имеющее своей целью побудить адресата сообщить говорящему некоторую информацию, которой последний не обладает, или выразить мнение по поводу какого-либо события, факта и т. п. Как и любое высказывание, побуждающее адресата к совершению определенных действий, вопрос содержит директивную информацию.

Уточняющий вопрос — вопрос, относящийся к ранее сообщенной собеседником информации. Обычно имеет своей целью получение более подробных сведений, проверку предположений о смысле сказанного собеседником и т. п.

Намерение — предположение, относящееся к будущим действиям, поступкам говорящего.

Предложение — выражение желания, исполнение которого зависит от адресата.

Фатическое высказывание — высказывание, в котором реализуется так называемая фатическая, или контактоустанавливающая функция языка, которая рассматривается как производная от коммуникативной. К фатическим высказываниям относятся, в частности, разнообразные формулы вежливости (в том числе приветствия, прощания, извинения и т. п.) и высказывания, непосредственно не связанные с достижением в процессе коммуникации определенной цели, направленные на поддержание разговора, демонстрацию внимания к словам собеседника, проявление интереса к теме, которую говорящий полагает интересной для собеседника, но с которой не связаны какие-либо цели, которые ставит перед собой говорящий в процессе коммуникации, и т. п.

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (`прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать`) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных* `истребили, ликвидировали` – *Воины уничтожили город* `ликвидировали, разрушили, сожгли`.

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конституцией (известными эксперту обстоятельствами дела).

В некоторых случаях сформулированные условия могут оказаться нарушенными. Это означает, что какое-то слово или выражение употребляются в тексте в несловарных значениях. Речь может идти:

- о разовом, так называемом **окказиональном** словоупотреблении. Значение окказионального словоупотребления, как правило, ясно из контекста;
- об использовании слова в **новом значении**, которое еще не зафиксировано словарями. Для адекватного определения такого значения необходимо исследовать **употребление** слова в современном русском языке. Совокупность контекстов употребления позволяет установить подлинное значение слова.

Необходимость исследования употребления слов в современном русском языке возникает лишь при невозможности буквального истолкования того или иного выражения на основе словарных значений.

В текстах нередко встречаются **термины** — слова и обороты, которые использованы в специальных значениях, отличных от общеязыковых. Смысловое содержание термина, употребляемого в тексте, не сводится лишь к значению, существующему в системе языка и являющемуся общим (с некоторыми оговорками) для всех его носителей. Термин в специальном тексте всегда связан с **понятием**, существующим в соответствующей области знаний, например в юриспруденции, в медицине, в лингвистике, в религиоведении и т. п.

Понятие представляет собой явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в иной системе связей: значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике. Языковые значения слов и иных номинативных единиц отражаются в толковых словарях, понятия — в словарях энциклопедических. В современной лексикографии в качестве значения принято рассматривать минимальный набор сем, который позволяет отличить данное значение от любого другого, существующего в языке. Избыточные с этой точки зрения семы в толкование слов, как правило, не включаются. В то же время они являются неотъемлемой частью соответствующего понятия. Например, в «Современном толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова зафиксировано следующее значение существительного *рыцарь*: «в Западной Европе в средние века: феодал, принадлежавший к военно-землевладельческому сословию и находящийся в вассальной зависимости от своего сюзерена». А в «Большом энциклопедическом словаре» соответствующее понятие описывается следующим образом: «в Западной и Центральной Европе в средние века феодал, тяжеловооруженный конный воин. Для рыцаря считались обязательными моральные нормы: смелость, верность долгу, благородство по отношению к женщине». Нетрудно видеть, что энциклопедическое описание понятия отражает то же явление реальной действительности более подробно, с привлечением дополнительных признаков (сем), которые являются избыточными и не фиксируются в толковом словаре.

Специфический характер того или иного подъязыка в отдельных случаях может проявляться также в грамматических свойствах и иных особенностях текста, однако наиболее ярко выраженной спецификой обладает именно лексика.

Вместе с тем большую часть текста любого функционального стиля и жанра составляют слова и обороты общеупотребительные.

При лингвистической экспертизе эксперт-лингвист должен четко отграничить свою компетенцию как лица, обладающего специальными знаниями о языке, в том числе о языке юридическом, от сферы профессиональной деятельности юристов. В лингвистической экспертизе русскоязычного текста сам текст исследуется, а результаты проведенного исследования всегда оцениваются в категориях языковых. В частности, следует избегать лингвистического толкования специальной юридической терминологии, и прежде всего терминов, определения которых даны в законодательстве. Их полная смысловая интерпретация выходит за пределы компетенции эксперта-лингвиста.

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты их такого металла» является собирательным, в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат.* (*к кому*), а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

2. Предварительное исследование

Комиссия специалистов-лингвистов произвела осмотр и предварительное исследование содержания представленных материалов. Установлено, что в представленном акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы разговора от 28 марта 2015 г., составленном о/у ОЭБ и ПУ УМВД России по г. о. Железнодорожный лейтенантом полиции М. В. Кожемякиным, имеется стенограмма зафиксированного звукозаписывающим устройством телефона Samsung разговора, который, согласно содержащимся в указанном акте сведениям, состоялся между П. А. Самсоновым, реплики которого обозначены в стенограмме цифрой 1, и А. Р. Сусаняном, реплики которого обозначены в стенограмме цифрой 2.

Фонограмма указанного разговора на исследование не представлена. Комиссией специалистов-лингвистов в дальнейшем исходит из предположений о строгом соответствии текста указанной стенограммы реальному речевому содержанию указанной фонограммы, а также о достоверности сведений о собеседниках, содержащихся в указанном акте, включая информацию о распределении реплик между участниками разговора.

Исходя из существа поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов и с учетом известных комиссии обстоятельств дела, **исследованию подлежат** текст имеющейся в представленном акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы разговора стенограммы, отражающей речевое содержание зафиксированного звукозаписывающим устройством телефона Samsung разговора, состоявшегося, согласно содержащимся в указанном акте сведениям, между

П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном (в дальнейшем также *исследуемый текст, спорный текст*), а также словосочетание *должностное преступление* как часть лексической системы современного русского языка (в дальнейшем также *исследуемое словосочетание, спорное словосочетание*).

Исследуемый текст в целом и отдельные его фрагменты воспроизводятся в настоящем заключении с полным сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оформления стенограммы.

Ниже воспроизводится дословное содержание исследуемого текста, цифровые обозначения собеседников тождественны используемым в представленном акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы разговора.

1. Присаживайся, развернись только.
2. Давай, так он долго ехал, (матом ругается). В пробке здесь стою, в пробке там стою, мне ехать надо.
1. Толкаешь сейчас меня Алик на должностное преступление
2. Да ладно, нормальные ребята
1. Меня посадят
2. Вменяемые
1. И тебя за это посадят
2. Меня за что?
1. Что, что ты мне взятку даёшь. А меня могут посадить за то, что это самое
2. Я ничего не даю тебе. На, возьми это. Тут часть этими, понял да?
1. Это сколько здесь?
2. Значит, ну пересчитаешь, всё правильно, я не буду это называть
1. Что там получается?
2. Там две пятьсот долларами.
1. Две пятьсот долларов?
2. Да и полтинник рублями
1. Две пятьсот долларами это сколько курс сейчас, по какому курсу делали?
2. Ну, по шестьдесят. Две это сто двадцать, пятьсот это тридцать.
1. Угу
2. И пятьдесят денег
1. Да, да всё правильно
2. Давай, развернись, меня до машины довези
1. Ты мне скажи, вы чё тут это
2. Слушай, дай твой телефон ну на всякий случай, если что там?
1. Так вы тут будете продолжать тут?
2. Не, не, это нет, ну просто как знакомый, ну человек, если что вдруг. Знать что бы, Давно здесь работаешь?
1. Да уже года, года три.
2. Года три, да? С главой как ты, в каких отношениях?
1. С главой города?
2. Да
1. У нас же новый глава города
2. Ну как ты знаешь его?
1. Ну знаю
2. У вас нормальные отношения?
1. Ну как, рабочие
2. Рабочие, да, не дружеские?
1. Нет, нет, а что какие вопросы?
2. Да просто, просто тут этот, у меня тут товарищ есть здесь он бизнесом занимается
1. Каким?

2. Дома строит, он говорит если что сможешь с ним, я говорю с ним не знаком, я с этим, просто я по этому тебя спросил
 1. Тоже грузин?
 2. Не, русский. Дай телефон
 1. Пиши (продиктовал номер телефона)
 2. Еще раз как тебя?
 1. Пётр
 2. Буквы такие маленькие, мне все говорят, выброси этот телефон Верту. Айфон купил, но всё равно этим пользуюсь.
 1. Ты мне скажи вы эту водку что сейчас?
 2. Да уберут сейчас
 1. У вас уберут, у вас там труп какой-то в этих складах
 2. Не в этих, там был где-то
 1. Ну вот, где сторел напротив
 2. Да, где сторел
 1. Ну это ж ваши склады
 2. Да, да, да
 1. Где сторели. Ну там ещё гемморой с вашим трупом будет.
 2. Геммороя не будет, разобрались с пожарниками, тоже разобрались
 1. Так с пожарниками то разобрались, а труп то, а труп то лежит, с пожарниками разобрались.
 2. Забрали труп, вчера ещё забрали
 1. Ну он же криминальный труп то?
 2. Да не, там этот где мусорные машины которые стоят.
 1. Ну.
 2. Где, вот он привёз машины поставил и исчез. Сейчас выяснилось, говорят, что он умер, поэтому исчез, а этого бомжа, какого, они не мусором занимались, бомж какой-то тут приходил, иногда там ночевал, а там света, всё не было, да, и он зажёл буржуйку какую-то и от этого сторел.
 1. Понятно
 2. Всё давай. Скажи ребятам, пусть уезжают и всё.
 1. Давай

Представленные для производства исследования материалы уголовного дела содержат существенно различные, взаимоисключающие сведения об обстоятельствах, которые могут быть отнесены к конситуации разговора, речевое содержание которого представлено спорным текстом. Участники разговора (П. А. Самсонов и А. Р. Сусанян) сообщают различную информацию об обстоятельствах, предшествующих разговору, представленному спорным текстом.

В частности, высказывания, составляющие показания П. А. Самсонова, зафиксированные представленным протоколом его допроса в качестве свидетеля, содержат, в частности, сведения о том, что между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном в период времени, предшествующий разговору, представленному спорным текстом, состоялся иной разговор, в ходе которого П. А. Самсонов представился А. Р. Сусаняну, предъявил свое служебное удостоверение сотрудника полиции, а А. Р. Сусанян предложил П. А. Самсонову денежное вознаграждение в сумме двухсот тысяч рублей за конкретный поступок в форме бездействия — неизъятие определенной партии алкогольной продукции.

В то же время высказывания, составляющие показания А. Р. Сусаняна, зафиксированные представленным протоколом его допроса в качестве подозреваемого, содержат сведения о том, что в период времени, предшествующий разговору, представленному спорным текстом, А. Р. Сусанян вел переговоры с третьими лицами об

оказании возмездных услуг по ликвидации последствий пожара на принадлежащей предприятию А. Р. Сусаняна территории; в ходе указанных переговоров была достигнута договоренность о проведении таких ремонтно-восстановительных работ, была согласована сумма авансового платежа (двести тысяч рублей), была также достигнута договоренность о последующей встрече А. Р. Сусаняна с начальником указанных третьих лиц, который должен приехать на встречу на автомобиле белого цвета. Из содержания высказываний, составляющих показания А. Р. Сусаняна, зафиксированных представленным протоколом его допроса в качестве подозреваемого, вытекает, что он воспринимал П. А. Самсонова в качестве указанного начальника — руководителя организации, занимающейся ремонтно-восстановительными работами.

Показания А. Р. Сусаняна содержат также информацию о несовершенном уровне владения им современным русским языком. В частности, А. Р. Сусанян указывает, что для понимания юридических терминов ему необходима помощь переводчика, что косвенно подтверждается также содержащимися в указанном протоколе его допроса данными о личности А. Р. Сусаняна, уроженца Грузинской ССР, а также обилием речевых ошибок, зафиксированных в речи А. Р. Сусаняна в представленной стенограмме его разговора с П. А. Самсоновым. Речь А. Р. Сусаняна во всех представленных материалах уголовного дела представлена в письменной форме, исполнителем текстов выступают третьи лица (следователь, оперуполномоченный полиции). В распоряжении специалистов-лингвистов не имеется фонограммы указанного разговора, равно как иных материалов, содержащих запись устной или письменной речи А. Р. Сусаняна, что не позволяет исследовать уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком непосредственно, в полном объеме. С учетом изложенного, комиссия специалистов-лингвистов может констатировать, что представленные материалы уголовного дела характеризуются наличием достаточной совокупности данных, подтверждающих предположение о том, что уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Принимая во внимание существенные различия между описанными показаниями П. А. Самсонова и А. Р. Сусаняна, можно констатировать, что к констатации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусанян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;
- каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);
- каков действительный уровень владения А. Р. Сусаняна современным разговорным русским языком,

— не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к конситуации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих место между показаниями А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова.

Предварительный анализ исследуемого текста показывает, что представленный им разговор является связным, его продолжительность достаточна для текстологического исследования, реплики собеседников не носят изолированного характера, составляя связный диалог, смысловое содержание отдельных реплик подлежит установлению с учетом контекста и конситуации (известных комиссии специалистов-лингвистов обстоятельств дела).

3. Исследование спорных объектов (спорного текста, спорного словосочетания)

Исходя из содержания поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов, исследование спорного текста методами текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа направлено на выявление информации, релевантной для разрешения вопросов 1–4, а также вопроса 6:

- на установление коммуникативных намерений, присущих высказываниям собеседников. В частности, подлежат выявлению высказывания А. Р. Сусаняна, которым присущи явные, скрытые или пресуппозитивные коммуникативные намерения предложений, просьб и т. п.; высказывания П. А. Самсонова, которым присущи явные, скрытые или пресуппозитивные коммуникативные намерения разъяснений, представления, отказа. Подлежит установлению также точное смысловое содержание указанных высказываний (что именно предлагается А. Р. Сусаняном, о чем он просит собеседника);
- на выявление явной, скрытой и пресуппозитивной информации, указывающей на наличие определенных предложений, просьб и т. п., высказанных в предварительном разговоре между собеседниками А. Р. Сусаняном. Подлежит

установлению также точное смысловое содержание указанных предложений, просьбы и т. п.;

- на выявление явной, скрытой и пресуппозитивной информации, указывающей на наличие определенных представлений, разъяснений, отказов и т. п., высказанных в предварительном разговоре между собеседниками П. А. Самсоновым. Подлежит установлению также точное смысловое содержание указанных представлений, отказов, разъяснений и т. п.;
- на установление точного смыслового содержания словосочетания *должностное преступление* в контексте спорного текста.

В ходе исследования содержание высказываний, составляющих спорный текст, сопоставлялось с описаниями содержания разговора, содержащимися в представленных показаниях П. А. Самсонова и А. Р. Сусаяна, с целью выявления несоответствий указанных описаний реальному речевому содержанию разговора, представленному спорным текстом.

Исследование спорного словосочетания произведено методами лексической семантики, включая метод лексикографического поиска.

Текстологический, лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ высказываний, составляющих спорный текст, показывает следующее.

Начальный коммуникативный блок реплик исследуемого текста носит фатический (контактоустанавливающий) характер:

1. Присаживайся, развернись только.
2. Давай, так он долго ехал, (матом ругается). В пробке здесь стою, в пробке там стою, мне ехать надо.

Приведенные реплики содержат информацию, относящуюся к организации процесса общения между собеседниками.

Если исходить из предположения о том, что спорный текст является полным по отношению к содержанию разговора между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаяном, отсутствие приветствий и обращений в начальной части разговора косвенно подтверждает содержащиеся в их показаниях сведения о предварительной встрече, в ходе которой обсуждались вопросы, составляющие предмет коммуникации в исследуемом тексте. Соответственно, собеседники идентифицируют друг друга, не нуждаясь в уточнении, воспринимают разговор как акт коммуникации, являющийся продолжением ранее начатых переговоров.

Содержание приведенной реплики А. Р. Сусаяна, эмоционально высказывающего недовольство долгим ожиданием приезда собеседника либо третьего лица, предположительно привезшего А. Р. Сусаяну подлежащие передаче денежные средства, вытекает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. В случае, если имеется в виду указанное третье лицо, данной реплике, возможно, присуще коммуникативное намерение извинения перед собеседником за опоздание на согласованную встречу.

Непосредственно следующая за начальным коммуникативным блоком реплика П. А. Самсонова:

1. Толкаешь сейчас меня Алик на должностное преступление

— инициирует тему передачи денежных средств как ранее согласованный между собеседниками предмет коммуникации.

По данным «Большого толкового словаря», существительное *преступление* имеет в современном русском языке два значения:

1. «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности». В данном значении существительное преступление характеризуется как специальный термин юриспруденции;

2. «предосудительный, недопустимый проступок».

Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции.

Имеющиеся в последующем контексте высказывания П. А. Самсонова «*Меня посадят*», «*И тебя за это посадят*», содержащие сведения о возможном уголовном наказании за передачу и получение в ходе представленного исследуемым текстом разговора денежных средств позволяют исключить значение 2.

Таким образом, существительное *преступление* употреблено в приведенном контексте в речи П. А. Самсонова в значении «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности».

При этом восприятие данного слова в значении 1 не является обязательным. А. Р. Сусанян, не располагающий сведениями о дальнейшем контексте, может воспринимать его также в значении 2.

Приведенное значение включает в себя компоненты ярко выраженной негативной оценки обозначаемого поступка как противозаконного, общественно опасного.

По данным «Большого толкового словаря», прилагательное *должностной* имеет в современном русском языке единственное значение, которое может быть определено как «связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе, по работе); служебный». Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции.

Существительное *должность* в приведенном значении обозначает положение, занимаемое по службе или по работе, независимо от того, имеет ли лицо, занимающее это положение, статус должностного лица в соответствии с действующим законодательством. Речь здесь может идти о любых должностях, определяющих обязанности по службе или работе, от должности руководителя органа власти до места дворника или секретаря-машинистки в коммерческой фирме.

По данным «Большого толкового словаря», глагол *толкать* имеет в современном русском языке значение «побуждать к чему-либо, заставлять делать что-либо». Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции. Контекст употребления глагола *толкать* в приведенном высказывании исключает иные словарные значения.

С учетом изложенного, приведенной реплике П. А. Самсонова присуще коммуникативное намерение адресованного собеседнику упрека, состоящего в том, что А. Р. Сусанян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению связанного с его должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) противозаконного, общественно опасного поступка, нарушающего общественный правопорядок и подлежащего уголовной ответственности.

В то же время в восприятии А. Р. Сусаняна возможны различные интерпретации приведенной реплики собеседника, а именно:

- интерпретация, совпадающая с описанным коммуникативным намерением П. А. Самсонова;
- интерпретация реплики П. А. Самсонова как упрека, состоящего в том, что А. Р. Сусанян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка.

А. Р. Сусанян возражает на упрек П. А. Самсонова, отвергает его («Да ладно») репликами

2. Да ладно, нормальные ребята

...

2. Вменяемые

— в которых имеется пресуппозитивная информация о третьих лицах, обозначаемых А. Р. Сусаняном как «нормальные ребята».

Приведенные реплики, рассматриваемые в контексте исследуемого текста как возражение на высказанный П. А. Самсоновым упрек, допускают различные интерпретации, а именно:

- А. Р. Сусанян отвергает упрек П. А. Самсонова в том, что А. Р. Сусанян посредством передачи денежных средств побуждает П. А. Самсонова к совершению связанного с его должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) противозаконного, общественно опасного поступка, нарушающего общественный правопорядок и подлежащего уголовной ответственности. При данной интерпретации возражение А. Р. Сусаняна на высказанный собеседником упрек представляет собой ссылку на положительные качества указанных третьих лиц, которых А. Р. Сусанян позитивно характеризует как *нормальных* и *вменяемых ребят* и которые не должны, по мысли говорящего, предпринять каких-либо действий, вызывающих опасение П. А. Самсонова и направленных на привлечение его к уголовной ответственности;
- А. Р. Сусанян отвергает упрек П. А. Самсонова в том, что А. Р. Сусанян посредством передачи денежных средств побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка, ссылаясь на некие третьи лица, которых А. Р. Сусанян характеризует положительно, как *нормальных* и *вменяемых ребят*. При данной интерпретации возражение А. Р. Сусаняна на высказанный собеседником упрек представляет собой ссылку на положительные качества указанных третьих лиц, которые, по мысли говорящего, должны нормально, вменяемо отреагировать на предосудительный поступок П. А. Самсонова.

При любой интерпретации в качестве третьих лиц, на которые ссылается А. Р. Сусанян, могут выступать сотрудники представляемой П. А. Самсоновым организации, с которыми знаком А. Р. Сусанян. При первой приведенной интерпретации ожидаемое А. Р. Сусаняном нормальное, вменяемое поведение указанных лиц, вероятно, включает в себя последующее сокрытие совершаемого П. А. Самсоновым преступления;

при второй интерпретации — последующее отсутствие морально-этических претензий к П. А. Самсонову в связи с передаваемой ему А. Р. Сусаняном наличной суммой денежных средств.

Реплики П. А. Самсонова:

1. Меня посадят

...

1. И тебя за это посадят

— в описанном контексте интерпретируются как уточняющие содержание высказанного ранее П. А. Самсоновым упрека; данным репликам присуще коммуникативное намерение выражения опасения уголовного преследования в связи с действием А. Р. Сусаняна, составляющим предмет коммуникации (передачей денежных средств).

Ответной реплике А. Р. Сусаняна

2. Меня за что?

— присущи коммуникативные намерения выражения удивления и уточняющего запроса информации.

Удивление А. Р. Сусаняна, вероятно, связано с тем, что ранее высказанный собеседником упрек был интерпретирован А. Р. Сусаняном как состоящий в том, что А. Р. Сусанян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка, но не уголовно наказуемого деяния.

П. А. Самсонов информирует собеседника по его запросу:

1. Что, что ты мне взятку даёшь. А меня могут посадить за то, что это самое

По данным «Большого толкового словаря», существительное *взятка* имеет в современном русском языке значение, которое может быть определено как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего». Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции. Контекст употребления существительного *взятка* в приведенном высказывании исключает иные словарные значения.

Общепотребительное существительное *взятка* не следует смешивать с юридическим термином, обозначающим правовую квалификацию, связанную с конкретным уголовно наказуемым деянием. Существительное *взятка* в современном русском языке может обозначать как непосредственно деньги или материальные ценности, ответственность за передачу и получение которых предусмотрена ст. 290 и 291 УК РФ, так и иные деньги и материальные ценности, передача и получение которых могут иметь иную правовую квалификацию, например, по ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», или вовсе не иметь таковой.

Принимая во внимание установленную комиссией специалистов-лингвистов конситуацию разговора (уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции), восприятие

А. Р. Сусаняном существительного *взятка* в значении специального термина юриспруденции исключено.

А. Р. Сусанян высказывает прямое возражение против квалификации передаваемых им денежных средств как «взятки»;

2. Я ничего не даю тебе.

Данное высказывание в контексте исследуемого текста не допускает буквальной интерпретации как отрицания намерения А. Р. Сусаняна передать какие-либо материальные объекты собеседнику (из контекста вытекает, что передача наличных денежных средств в ходе разговора действительно производится, причем происходит на протяжении данной реплики А. Р. Сусаняна).

Местоименная форма *ничего* часто используется в русской разговорной речи наряду с другими абсолютизмами (*все, любой* и т. п.) как средство выражения гиперболы — очевидного преувеличения (ср., например, «И ничего это не взятка»).

Гипербола *ничего* в составе последнего приведенного высказывания А. Р. Сусаняна интерпретируется как экспрессивное усиление возражения против высказанной собеседником квалификации передаваемых им денежных средств как «взятки» — противозаконного либо неприемлемого с морально-этической точки зрения поступка.

Непосредственно следующее высказывание А. Р. Сусаняна

2. ...На, возьми это.

— выражает прямое адресованное собеседнику побуждение к получению передаваемых А. Р. Сусаняном денежных средств.

Непосредственно следующим высказыванием

2. ... Тут часть этими, понял да?

— А. Р. Сусанян инициирует коммуникативный блок, в ходе которого П. А. Самсонов запрашивает у собеседника сведения о составе и размере суммы передаваемых денежных средств, а А. Р. Сусанян информирует собеседника по указанным подтемам. К данному коммуникативному блоку относятся также следующие реплики собеседников:

1. Это сколько здесь?

2. Значит, ну пересчитаешь, всё правильно, я не буду это называть

1. Что там получается?

2. Там две пятьсот долларами.

1. Две пятьсот долларов?

2. Да и полтинник рублями

1. Две пятьсот долларами это сколько курс сейчас, по какому курсу делали?

2. Ну, по шестьдесят. Две это сто двадцать, пятьсот это тридцать.

1. Угу

2. И пятьдесят денег

1. Да, да всё правильно

Последняя приведенная реплика П. А. Самсонова выражает одобрение действий А. Р. Сусаняна как соответствующих существующей между ними договоренности, что подтверждает имеющиеся в представленных на исследование материалах уголовного дела сведения о том, что по состоянию на момент времени, к которому относится начало разговора, представленного спорным текстом, между собеседниками существовала договоренность (была заключена сделка), по условиям которой А. Р. Сусанян должен был

передать П. А. Самсонову наличные денежные средства в сумме двухсот тысяч рублей, описанная в разделе 2 настоящего заключения.

Следующая реплика А. Р. Сусаяна:

2. Давай, развернись, меня до машины довези

— не содержит информации, относящейся к предмету коммуникации (передаче денежных средств), представляет собой адресованную собеседнику просьбу подвезти А. Р. Сусаяна к его машине.

Данная реплика свидетельствует о том, что А. Р. Сусаян считает обсуждение указанной темы завершённым, а предмет коммуникации — исчерпанным.

П. А. Самсонов обращается к собеседнику к вопросом:

1. Ты мне скажи, вы чё тут это

Установить присущее данной реплике коммуникативное намерение не представляется возможным в связи с незавершённостью высказывания.

А. Р. Сусаян, возможно, прерывая собеседника, инициирует тему его контактных данных (номера телефона), которые он собирается передать своему знакомому («товарищу»), намеренному развивать строительный бизнес в г. Железнодорожный. Коммуникативный блок, относящийся к этой теме, включает в себя, следующие высказывания:

2. Слушай, дай твой телефон ну на всякий случай, если что там?

1. Так вы тут будете продолжать тут?

2. Не, не, это нет, ну просто как знакомый, ну человек, если что вдруг. Знать что бы, Давно здесь работаешь?

1. Да уже года, года три.

2. Года три, да? С главой как ты, в каких отношениях?

1. С главой города?

2. Да

1. У нас же новый глава города

2. Ну как ты знаешь его?

1. Ну знаю

2. У вас нормальные отношения?

1. Ну как, рабочие

2. Рабочие, да, не дружеские?

1. Нет, нет, а что какие вопросы?

2. Да просто, просто тут этот, у меня тут товарищ есть здесь он бизнесом занимается

1. Каким?

2. Дома строит, он говорит если что сможешь с ним, я говорю с ним не знаком, я с этим, просто я по этому тебя спросил

1. Тоже грузин?

2. Не, русский. Дай телефон

1. Пиши (продиктовал номер телефона)

2. Еще раз как тебя?

1. Пётр

Реплика А. Р. Сусаяна «Слушай, дай твой телефон ну на всякий случай, если что там?», «Дай телефон» в приведенном контексте присуще коммуникативное намерение просьбы о предоставлении указанных контактных данных. А. Р. Сусаян уточняет содержание указанной просьбы репликами «Не, не, это нет, ну просто как знакомый, ну человек, если что вдруг», «Дома строит, он говорит если что сможешь с ним, я

говоря с ним не знаком, я с этим, просто я по этому тебя спросил», содержащими сведения о знакомом А. Р. Сусаняна, намеренном развивать строительный бизнес в г. Железнодорожный и ищущем контакты с главой города.

Для реплик обоих собеседников в приведенном коммуникативном блоке характерны коммуникативные намерения запросов и уточняющих запросов информации, информирования по запросам.

Иной информации, релевантной для разрешения поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов, в данном коммуникативном блоке не выявлено.

Непосредственно следующая реплика А. Р. Сусаняна

2. Буквы такие маленькие, мне все говорят, выброси этот телефон Верту. Айфон купил, но всё равно этим пользуюсь.

— содержит комментарии к его действиям (вероятно, А. Р. Сусанян в скрытой форме извиняется перед собеседником за свою медлительность при наборе номера), может рассматриваться как фатическая (контактоустанавливающая).

П. А. Самсонов запрашивает у А. Р. Сусаняна информацию о его намерениях в отношении партии алкогольных напитков (водки), находящейся на территории представляемого А. Р. Сусаняном предприятия;

1. Ты мне скажи вы эту водку что сейчас?

А. Р. Сусанян информирует собеседника о намерении вывезти («убрать») указанную партию с территории предприятия:

2. Да уберут сейчас

— после чего П. А. Самсонов расспрашивает собеседника о трупе, находящемся на территории представляемого А. Р. Сусаняном предприятия, запрашивая как в явной, так и в пресуппозитивной форме информацию о точном местонахождении, предполагаемом криминальном характере трупа, состоявшихся и возможных в будущем действиях пожарной охраны и правоохранительных органов. А. Р. Сусанян информирует собеседника по указанным подтемам, сообщая в частности, что труп вывезен с территории предприятия и криминальным не является, что интерпретируется как пресуппозитивное сообщение информации о том, что каких-либо действий, связанных с обнаружением трупа, на территории предприятия правоохранительными органами проводиться не будет:

1. У вас уберут, у вас там труп какой-то в этих складах
2. Не в этих, там был где-то

1. Ну вот, где сторел напротив

2. Да, где сторел

1. Ну это ж ваши склады

2. Да, да, да

1. Где сторели. Ну там ещё гемморой с вашим трупом будет.

2. Геммороя не будет, разобрались с пожарниками, тоже разобрались

1. Так с пожарниками то разобрались, а труп то, а труп то лежит, с пожарниками разобрались.

2. Забрали труп, вчера ещё забрали

1. Ну он же криминальный труп то?

2. Да не, там этот где мусорные машины которые стоят.

1. Ну.

2. Где, вот он привёз машины поставил и исчез. Сейчас выяснилось, говорят, что он умер, поэтому исчез, а этого бомжа, какого, они не мусором занимались, бомж какой-то тут приходил, иногда там

ночевал, а там света, всё не было, да, и он зажёт буржуйку какую-то и от этого спорел.

1. Понятно

Последняя приведенная реплика П. А. Самсонова интерпретируется как маркер завершения темы, что свидетельствует о том, что П. А. Самсонов полагает инициированную им тему исчерпанной, после чего собеседники прощаются и разговор завершается:

2. Всё давай. Скажи ребятам, пусть уезжают и всё.

1. Давай

Сказанное позволяет интерпретировать приведенную последовательность реплик как инициированный П. А. Самсоновым единый коммуникативный блок, на протяжении которого он расспрашивает собеседника о возможных препятствиях для некой деятельности, планируемой к осуществлению на территории представляемого А. Р. Сусаняном предприятия. К числу указанных препятствий относятся находящаяся на территории предприятия партия алкогольной продукции, обнаруженный на территории предприятия труп и обстоятельства, связанные с его обнаружением, включая возможные действия правоохранительных органов, а также возможные действия на территории предприятия пожарной охраны.

Данная интерпретация соответствует предположению о том, что в ходе разговора обсуждаются условия производства на представляемом А. Р. Сусаняном предприятии ремонтно-восстановительных работ, для проведения которых необходимо освободить склад от партии алкогольной продукции и требуется, чтобы их ход не был прерван следственными действиями правоохранительных органов и деятельностью пожарной охраны.

Иная возможная интерпретация предполагает, что обсуждавшиеся в данном коммуникативном блоке темы вызвали интерес П. А. Самсонова, не связанный с обстоятельствами данного уголовного дела. В этом случае проявленный им интерес к перечисленным подтемам следует трактовать как любопытство, а данный коммуникативный блок рассматривается как близкий к фатическому (контактоустанавливающему).

4. Синтезирующая часть

Проведенное исследование показало следующее.

К конситуации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусанян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;
 - каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);
 - каков действительный уровень владения А. Р. Сусаняна современным разговорным русским языком,
- не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к констатации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих место между показаниями А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова.

Общий ход и общие свойства разговора, зафиксированного исследуемым текстом, могут быть представлены следующим образом.

Начальный коммуникативный блок реплик исследуемого текста носит фатический (контактоустанавливающий) характер. В начальном коммуникативном блоке отсутствуют приветствия и обращения, что косвенно подтверждает содержащиеся в показаниях собеседников сведения о предварительной встрече, в ходе которой обсуждались вопросы, составляющие предмет коммуникации в исследуемом тексте.

Содержание исследуемого текста подтверждает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. Заранее обусловленным предметом коммуникации в спорном тексте является передача А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову денежных средств в размере двухсот тысяч рублей в рамках ранее достигнутой между ними договоренности (заключенной сделки).

По завершении начального коммуникативного блока П. А. Самсонов инициирует тему передачи денежных средств, составляющую ранее согласованный между собеседниками предмет коммуникации, высказывая адресованный собеседнику упрек «Толкаешь сейчас меня Алик на должностное преступление», содержание которого состоит в том, что А. Р. Сусанян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению связанного с его должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) противозаконного, общественно опасного поступка, нарушающего общественный правопорядок и подлежащего уголовной ответственности.

А. Р. Сусанян с высокой вероятностью интерпретирует приведенную реплику собеседника как упрек, состоящий в том, что А. Р. Сусанян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка, но не уголовно наказуемого деяния.

А. Р. Сусанян отвергает высказанный собеседником упрек, ссылаясь на положительные качества неких третьих лиц, которых А. Р. Сусанян позитивно характеризует как *нормальных и вменяемых ребят*, в качестве каковых, вероятно, выступают сотрудники представляемой П. А. Самсоновым организации, с которыми знаком А. Р. Сусанян и которые, по его мысли, не должны предъявлять П. А. Самсонову морально-этических претензий в связи с передаваемой ему А. Р. Сусаняном наличной суммой денежных средств.

П. А. Самсонов характеризует действия А. Р. Сусаняна как *взятку* — деньги, передаваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу в качестве подкупа, оплаты действий в интересах дающего.

А. Р. Сусанян высказывает прямое экспрессивно усиленное возражение против квалификации передаваемых им денежных средств как «взятки» — противозаконного либо неприемлемого с морально-этической точки зрения поступка.

При передаче денежных средств А. Р. Сусанян в высказывании «На, возьми это» выражает прямое адресованное собеседнику побуждение к получению передаваемых А. Р. Сусаняном денежных средств.

П. А. Самсонов запрашивает у собеседника сведения о составе и размере суммы передаваемых денежных средств, а А. Р. Сусанян информирует собеседника по указанным подтемам. Получив запрошенные сведения, П. А. Самсонов выражает одобрение действий А. Р. Сусаняна как соответствующих существующей между ними договоренности о передаче двухсот тысяч рублей.

На этом обсуждение передачи денежных средств как предмета коммуникации завершается.

А. Р. Сусанян высказывает адресованную собеседнику просьбу подвести А. Р. Сусаняна к его машине.

Речевая реакция П. А. Самсонова на указанную просьбу в исследуемом тексте отсутствует.

Затем А. Р. Сусанян инициирует тему контактных данных (номера телефона) П. А. Самсонова, которые он собирается передать своему знакомому («товарищу»), намеренному развивать строительный бизнес в г. Железнодорожный и ищущему контакты с главой города, обращается к собеседнику с просьбой предоставить указанные контактные данные.

П. А. Самсонов предоставляет собеседнику запрошенные контактные данные.

В финальной части разговора П. А. Самсонов инициирует коммуникативный блок, на протяжении которого он расспрашивает собеседника о возможных препятствиях для некой

деятельности, планируемой к осуществлению на территории представляемого А. Р. Сусаняном предприятия. К числу указанных препятствий относятся находящаяся на территории предприятия партия алкогольной продукции, обнаруженный на территории предприятия труп и обстоятельства, связанные с его обнаружением, включая возможные в будущем действия правоохранительных органов, а также возможные в будущем действия на территории предприятия пожарной охраны.

Сказанное подтверждает предположение о том, что в ходе разговора, зафиксированного исследуемым текстом, обсуждаются условия производства на представляемом А. Р. Сусаняном предприятии ремонтно-восстановительных работ, для проведения которых необходимо освободить склад от партии алкогольной продукции и требуется, чтобы их ход не был прерван следственными действиями правоохранительных органов и деятельностью пожарной охраны.

Иная возможная интерпретация предполагает, что обсуждавшиеся в финальном коммуникативном блоке темы вызвали интерес П. А. Самсонова, не связанный с обстоятельствами данного уголовного дела. В этом случае проявленный им интерес к перечисленным подтемам следует трактовать как любопытство, а финальный коммуникативный блок в целом — рассматривать как близкий к фатическому (контактоустанавливающему).

С точки зрения лексической системы современного русского языка словосочетание *должностное преступление* может рассматриваться:

а) как специальный термин юриспруденции, обозначающий определенную категорию правонарушений, подлежащих уголовной ответственности. Содержание специальных понятий юриспруденции, включая информацию о субъекте преступления, его субъективной и объективной стороне, квалифицирующих признаках и т. п., выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов, не подлежит лингвистической интерпретации;

б) как свободное словосочетание, употребляющееся в устной и письменной речи носителей современного русского языка, смысловое содержание которого основано на общеязыковых значениях составляющих его слов.

Точное смысловое содержание (лексические значения) общеупотребительного словосочетания *должностное преступление* в современном русском языке является неоднозначным, может быть определено следующим образом:

1. противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего;

2. предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения проступок, связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего.

П. А. Самсонов в исследуемом тексте употребляет словосочетание *должностное преступление*:

- либо как специальный термин юриспруденции, не подлежащий лингвистической интерпретации;
- либо в значении «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее

уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего».

Принимая во внимание установленную комиссией специалистов-лингвистов конситуацию разговора (уровень владения А. Р. Сусаяна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции), восприятие А. Р. Сусаяном словосочетания *должностное преступление* в значении специального термина юриспруденции исключено.

А. Р. Сусаян с высокой вероятностью интерпретирует словосочетание *должностное преступление* в речи П. А. Самсонова как выражающее смысл «предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения поступок, не являющийся уголовно наказуемым деянием».

Существительное *взятка* имеет в современном русском языке значение, которое может быть определено как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего».

Общепотребительное существительное *взятка* не следует смешивать с юридическим термином, обозначающим правовую квалификацию, связанную с конкретным уголовно наказуемым деянием. Существительное *взятка* в современном русском языке может обозначать как непосредственно деньги или материальные ценности, ответственность за передачу и получение которых предусмотрена ст. 290 и 291 УК РФ, так и иные деньги и материальные ценности, передача и получение которых могут иметь иную правовую квалификацию, например, по ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», или вовсе не иметь таковой.

Принимая во внимание установленную комиссией специалистов-лингвистов конситуацию разговора (уровень владения А. Р. Сусаяна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции), восприятие А. Р. Сусаяном существительного *взятка* в значении специального термина юриспруденции исключено.

Изложенное позволяет дать следующие ответы на поставленные перед комиссией специалистов-лингвистов вопросы.

По вопросу 1 — «Следует ли из разговора, что Сусаян А.Р. предлагал взятку за совершения каких-либо незаконных действий?»

К конситуации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаяном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусаян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой

была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;
- каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);
- каков действительный уровень владения А. Р. Сусаняна современным разговорным русским языком,

— не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к конситуации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих между показаниями А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова.

Содержание исследуемого текста подтверждает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. Заранее обусловленным предметом коммуникации в спорном тексте является передача А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову денежных средств в размере двухсот тысяч рублей в рамках ранее достигнутой между ними договоренности (заключенной сделки).

Каких-либо сведений о действиях, которые должен совершить П. А. Самсонов в соответствии с условиями указанной сделки, об иных принятых им на себя обязательствах исследуемый текст не содержит.

Таким образом, нет каких-либо оснований полагать, что из разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного спорным текстом, следует, что А. Р. Сусанян предлагал собеседнику взятку за совершение каких-либо незаконных действий или незаконного бездействия.

По вопросу 2 — «Следует ли из разговора, что Сусанян А.Р. просил совершить Самсонова П.А. какие-либо незаконные действия (неизъятие алкогольной продукции)?»

К конситуации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусанян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;
- каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);
- каков действительный уровень владения А. Р. Сусаняна современным разговорным русским языком,

— не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к констатации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих место между показаниями А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова.

Содержание исследуемого текста подтверждает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. Заранее обусловленным предметом коммуникации в спорном тексте является передача А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову денежных средств в размере двухсот тысяч рублей в рамках ранее достигнутой между ними договоренности (заключенной сделки).

Высказываний А. Р. Сусаняна, которым присуще явное, скрытое или пресуппозитивное коммуникативное намерение адресованной собеседнику просьбы о совершении каких-либо незаконных действий или незаконного бездействия, в том числе просьбы о неизъятии алкогольной продукции, в исследуемом тексте не выявлено.

В разговоре, зафиксированного исследуемым текстом, относящаяся к алкогольной продукции информация присутствует в финальном коммуникативном блоке, на протяжении которого П. А. Самсонов расспрашивает собеседника о возможных препятствиях для некоей деятельности, планируемой к осуществлению на территории представляемого А. Р. Сусаняном предприятия. К числу указанных препятствий относятся находящаяся на

территории предприятия партия алкогольной продукции, обнаруженный на территории предприятия труп и обстоятельства, связанные с его обнаружением, включая возможные в будущем действия правоохранительных органов, а также возможные в будущем действия на территории предприятия пожарной охраны.

В частности, П. А. Самсонов запрашивает у собеседника сведения о его намерениях в отношении указанной партии алкогольной продукции, А. Р. Сусанян сообщает, что намерен обеспечить ее вывоз с территории предприятия. Иной информации, относящейся к алкогольной продукции, исследуемый текст не содержит.

Таким образом, нет каких-либо оснований полагать, что из разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного спорным текстом, следует, что А. Р. Сусанян просил П. А. Самсонова совершить какие-либо незаконные действия или незаконное бездействие, в том числе неизъятие алкогольной продукции.

По вопросу 3 — «Следует ли из разговора, что Сусанян А.Р. осознавал, что разговаривает с сотрудником полиции или, что Самсонов П.А. представлялся Сусаняну А.Р. сотрудником полиции и разъяснял последствия дачи взятки?»

К конситуации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусанян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;
- каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);

- каков действительный уровень владения А. Р. Сусаяна современным разговорным русским языком,

— не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к конситуации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих между показаниями А. Р. Сусаяна и П. А. Самсонова.

Содержание исследуемого текста подтверждает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. Заранее обусловленным предметом коммуникации в спорном тексте является передача А. Р. Сусаяном П. А. Самсонову денежных средств в размере двухсот тысяч рублей в рамках ранее достигнутой между ними договоренности (заключенной сделки).

По завершении начального коммуникативного блока исследуемого текста П. А. Самсонов инициирует тему передачи денежных средств, составляющую ранее согласованный между собеседниками предмет коммуникации, высказывая адресованный собеседнику упрек «Толкаешь сейчас меня Алик на должностное преступление», содержание которого состоит в том, что А. Р. Сусаян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению связанного с его должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) противозаконного, общественно опасного поступка, нарушающего общественный правопорядок и подлежащего уголовной ответственности.

А. Р. Сусаян с высокой вероятностью интерпретирует приведенную реплику собеседника как упрек, состоящий в том, что А. Р. Сусаян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка, но не уголовно наказуемого деяния.

П. А. Самсонов выражает опасение уголовного преследования в связи с действием А. Р. Сусаяна, составляющим предмет коммуникации, — передачей денежных средств («Меня посадят», «И тебя за это посадят»), характеризует действия А. Р. Сусаяна как *взятку* — деньги, передаваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего.

Существительное *взятка* имеет в современном русском языке значение, которое может быть определено как «деньги или материальные ценности, даваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего».

Общепотребительное существительное *взятка* не следует смешивать с юридическим термином, обозначающим правовую квалификацию, связанную с конкретным уголовно наказуемым деянием. Существительное *взятка* в современном русском языке может обозначать как непосредственно деньги или материальные ценности, ответственность за передачу и получение которых предусмотрена ст. 290 и 291 УК РФ, так и иные деньги и материальные ценности, передача и получение которых могут иметь иную правовую квалификацию, например, по ст. 204 УК РФ «Коммерческий подкуп», или вовсе не иметь таковой.

А. Р. Сусаян высказывает прямое экспрессивно усиленное возражение против квалификации передаваемых им денежных средств как «взятки».

П. А. Самсонов не выдвигает каких-либо встречных возражений, в его репликах отсутствуют высказывания, содержащие информацию аналитического типа, которым было

бы присуще коммуникативное намерение разъяснения (объяснения собеседнику причинно-следственных связей, оснований, закономерностей и т. п.) чего бы то ни было.

При передаче денежных средств П. А. Самсонов запрашивает у собеседника сведения о составе и размере суммы передаваемых денежных средств, а А. Р. Сусанян информирует собеседника по указанным подтемам. Получив запрошенные сведения, П. А. Самсонов выражает одобрение действий А. Р. Сусаняна как соответствующих существующей между ними договоренности о передаче двухсот тысяч рублей.

На этом обсуждение передачи денежных средств как предмета коммуникации завершается.

В исследуемом тексте отсутствуют высказывания П. А. Самсонова, которые допускают интерпретацию в качестве его представления собеседнику в качестве сотрудника полиции.

Таким образом, нет каких-либо оснований полагать, что из разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного спорным текстом, следует, что А. Р. Сусанян осознавал, что разговаривает с сотрудником полиции

Аналогичным образом, нет каких-либо оснований полагать, что из указанного разговора следует, что П. А. Самсонов представлялся А. Р. Сусаняну сотрудником полиции и разъяснял последствия дачи взятки.

По вопросу 4 — «Следует ли из разговора категоричный отказ Самсонова П.А. от получения денежных средств?»

К конситуации разговора, представленного спорным текстом, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1. Встреча между П. А. Самсоновым и А. Р. Сусаняном, в ходе которой состоялся разговор, представленный спорным текстом, состоялась по предварительной договоренности.

2. В ходе указанной встречи П. А. Сусанян выступал в качестве представителя предприятия, контролирующего территорию, на которой произошел пожар и на которой была обнаружена предположительно контрафактная партия алкогольной продукции, воспринимался П. А. Самсоновым в этом качестве.

3. Указанная предварительная договоренность включала в себя условия, касающиеся размера суммы денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову в рамках заключаемой между ними сделки.

4. Обоим собеседникам было известно о предназначении денежных средств, подлежащих передаче А. Р. Сусаняном П. А. Самсонову. (При этом в показаниях А. Р. Сусаняна и П. А. Самсонова содержатся существенно различные сведения о предназначении переданных в ходе разговора денежных средств.)

5. Уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.

Иные обстоятельства, сведения о которых содержатся в показаниях указанных лиц и которые могут рассматриваться как существенные для интерпретации спорного текста, в том числе:

- действительно ли П. А. Самсонов в ходе предварительной встречи представлялся А. Р. Сусаняну и предъявлял ему служебное удостоверение сотрудника полиции;

- каковы были обязательства, принимаемые на себя стороной П. А. Самсонова по условиям заключаемой сделки (неизъятие определенной партии алкогольной продукции, либо производство восстановительных работ по ликвидации последствий пожара, либо какие-то иные обязательства);
- каков действительный уровень владения А. Р. Сусаяна современным разговорным русским языком,

— не могут рассматриваться комиссией специалистов-лингвистов как установленные обстоятельства, относящиеся к конституации разговора, представленного спорным текстом, в силу противоречий, имеющих между показаниями А. Р. Сусаяна и П. А. Самсонова.

Содержание исследуемого текста подтверждает, что между собеседниками существует договоренность о встрече. Заранее обусловленным предметом коммуникации в спорном тексте является передача А. Р. Сусаяном П. А. Самсонову денежных средств в размере двухсот тысяч рублей в рамках ранее достигнутой между ними договоренности (заключенной сделки).

По завершении начального коммуникативного блока исследуемого текста П. А. Самсонов инициирует тему передачи денежных средств, составляющую ранее согласованный между собеседниками предмет коммуникации, высказывая адресованный собеседнику упрек «Толкаешь сейчас меня Алик на должностное преступление», содержание которого состоит в том, что А. Р. Сусаян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению связанного с его должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) противозаконного, общественно опасного поступка, нарушающего общественный правопорядок и подлежащего уголовной ответственности.

А. Р. Сусаян с высокой вероятностью интерпретирует приведенную реплику собеседника как упрек, состоящий в том, что А. Р. Сусаян посредством совершения действия, составляющего предмет коммуникации (передачи денежных средств), побуждает П. А. Самсонова к совершению предосудительного, недопустимого с морально-этической точки зрения поступка, но не уголовно наказуемого деяния.

П. А. Самсонов выражает опасение уголовного преследования в связи с действием А. Р. Сусаяна, составляющим предмет коммуникации, — передачей денежных средств («Меня посадят», «И тебя за это посадят»), характеризует действия А. Р. Сусаяна как *взятку* — деньги, передаваемые должностному (занимающему ту или иную должность по службе или по работе) лицу как подкуп, оплата действий в интересах дающего.

А. Р. Сусаян высказывает прямое экспрессивно усиленное возражение против квалификации передаваемых им денежных средств как «взятки».

П. А. Самсонов не выдвигает каких-либо встречных возражений.

При передаче денежных средств П. А. Самсонов запрашивает у собеседника сведения о составе и размере суммы передаваемых денежных средств, а А. Р. Сусаян информирует собеседника по указанным подтемам. Получив запрошенные сведения, П. А. Самсонов выражает одобрение действий А. Р. Сусаяна как соответствующих существующей между ними договоренности о передаче двухсот тысяч рублей.

На этом обсуждение передачи денежных средств как предмета коммуникации завершается.

Таким образом, нет каких-либо оснований полагать, что из разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного спорным текстом, следует категоричный отказ П. А. Самсонова от получения денежных средств

По вопросу 5 — «Какое точное лексическое значение имеет словосочетание «должностное преступление» в современном русском языке?»

С точки зрения лексической системы современного русского языка словосочетание *должностное преступление* может рассматриваться:

а) как специальный термин юриспруденции, обозначающий определенную категорию правонарушений, подлежащих уголовной ответственности. Содержание специальных понятий юриспруденции, включая информацию о субъекте преступления, его субъективной и объективной стороне, квалифицирующих признаках и т. п., выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов, не подлежит лингвистической интерпретации;

б) как свободное словосочетание, употребляющееся в устной и письменной речи носителей современного русского языка, смысловое содержание которого основано на общеязыковых значениях составляющих его слов.

Точное смысловое содержание (лексические значения) общеупотребительного словосочетания *должностное преступление* в современном русском языке является неоднозначным, может быть определено следующим образом:

1. противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего. (Существительное *должность* здесь обозначает положение, занимаемое по службе или по работе, независимо от того, имеет ли лицо, занимающее это положение, статус должностного лица в соответствии с действующим законодательством. Речь здесь может идти о любых должностях, определяющих обязанности по службе или работе, от должности руководителя органа власти до места дворника или секретаря-машинистки в коммерческой фирме);

2. предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения проступок, связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего.

По вопросу 6 — «Какое смысловое содержание имеет словосочетание «должностное преступление» в русской разговорной речи в целом и в данной беседе в частности?»

Точное смысловое содержание (лексические значения) общеупотребительного словосочетания *должностное преступление* в современном русском языке, включая речевую деятельность его носителей в форме разговорной речи, является неоднозначным, может быть определено следующим образом:

1. противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего. (Существительное *должность* здесь обозначает положение, занимаемое по службе или по работе, независимо от того, имеет ли лицо, занимающее это положение, статус должностного лица в соответствии с действующим законодательством.

Речь здесь может идти о любых должностях, определяющих обязанности по службе или работе, от должности руководителя органа власти до места дворника или секретаря-машинистки в коммерческой фирме);

2. предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения проступок, связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего.

В представленном на исследование разговоре с А. Р. Сусаняном П. А. Самсонов употребляет словосочетание *должностное преступление*:

- либо как специальный термин юриспруденции, не подлежащий лингвистической интерпретации;
- либо в значении «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего».

Установить, какая из двух приведенных интерпретаций является верной, соответствует интенции (намерению) П. А. Самсонова, не представляется возможным.

Принимая во внимание установленную комиссией специалистов-лингвистов констатацию разговора (уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции), восприятие А. Р. Сусаняном словосочетания *должностное преступление* в значении специального термина юриспруденции исключено.

А. Р. Сусанян с высокой вероятностью интерпретирует словосочетание *должностное преступление* в речи П. А. Самсонова как выражающее смысл «предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения поступок, не являющийся уголовно наказуемым деянием».

ВЫВОДЫ:

1. НЕТ каких-либо оснований полагать, что из представленного комиссии специалистов-лингвистов на исследование разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного в представленном комиссии специалистов-лингвистов на исследование акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы, следует, что А. Р. Сусанян предлагал собеседнику взятку за совершение каких-либо незаконных действий или незаконного бездействия.

2. НЕТ каких-либо оснований полагать, что из представленного комиссии специалистов-лингвистов на исследование разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного в представленном

комиссии специалистов-лингвистов на исследование акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы, **следует, что А. Р. Сусанян просил П. А. Самсонова совершить какие-либо незаконные действия или незаконное бездействие, в том числе неизъятие алкогольной продукции.**

3. НЕТ каких-либо оснований полагать, что из представленного комиссии специалистов-лингвистов на исследование разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного в представленном комиссии специалистов-лингвистов на исследование акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы, следует, что А. Р. Сусанян осознавал, что разговаривает с сотрудником полиции.

Аналогичным образом, **НЕТ каких-либо оснований полагать, что из указанного разговора следует, что П. А. Самсонов представлялся А. Р. Сусаняну сотрудником полиции и разъяснял последствия дачи взятки.**

4. НЕТ каких-либо оснований полагать, что из представленного комиссии специалистов-лингвистов на исследование разговора между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированного в представленном комиссии специалистов-лингвистов на исследование акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы, следует категоричный отказ П. А. Самсонова от получения денежных средств.

5. С точки зрения лексической системы современного русского языка словосочетание *должностное преступление* может рассматриваться:

а) как специальный термин юриспруденции, обозначающий определенную категорию правонарушений, подлежащих уголовной ответственности. Содержание специальных понятий юриспруденции, включая информацию о субъекте преступления, его субъективной и объективной стороне, квалифицирующих признаках и т. п., выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов, не подлежит лингвистической интерпретации;

б) как свободное словосочетание, употребляющееся в устной и письменной речи носителей современного русского языка, смысловое содержание которого основано на общеязыковых значениях составляющих его слов.

Точное смысловое содержание (лексические значения) общеупотребительного словосочетания *должностное преступление* в современном русском языке является неоднозначным, может быть определено следующим образом:

1. противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего. (Существительное *должность* здесь обозначает положение, занимаемое по службе или по работе, независимо от того, имеет ли лицо, занимающее это положение, статус должностного лица в соответствии с действующим законодательством. Речь здесь может идти **о любых должностях, определяющих обязанности по службе или работе**, от должности руководителя органа власти до места дворника или секретаря-машинистки в коммерческой фирме);

2. предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения проступок, связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего.

6. Точное смысловое содержание (лексические значения) общеупотребительного словосочетания *должностное преступление* в современном русском языке, включая речевую деятельность его носителей в форме **устной разговорной речи**, является неоднозначным, может быть определено следующим образом:

1. противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего. (Существительное *должность* здесь обозначает положение, занимаемое по службе или по работе, независимо от того, имеет ли лицо,

занимающее это положение, статус должностного лица в соответствии с действующим законодательством. Речь здесь может идти **о любых должностях, определяющих обязанности по службе или работе**, от должности руководителя органа власти до места дворника или секретаря-машинистки в коммерческой фирме);

2. предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения проступок, связанный с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего.

В разговоре между А. Р. Сусаняном и П. А. Самсоновым, зафиксированном в представленном комиссии специалистов-лингвистов на исследование акте возврата звукозаписывающей аппаратуры и прослушивания фонограммы, П. А. Самсонов употребляет словосочетание *должностное преступление*:

- **либо** как специальный термин юриспруденции, не подлежащий лингвистической интерпретации;
- **либо** в значении «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности, связанное с должностью (местом, положением, определяющим обязанности по службе или по работе) лица, его совершающего».

Установить, какая из двух приведенных интерпретаций является верной, соответствует интенции (намерению) П. А. Самсонова, не представляется возможным.

Восприятие А. Р. Сусаняном словосочетания *должностное преступление* в значении специального термина юриспруденции исключено принимая во внимание установленную комиссией специалистов-лингвистов **конситуацию разговора: уровень владения А. Р. Сусаняна современным русским языком не является достаточным для корректного употребления и восприятия в устной речи специальной терминологии, в том числе терминов юриспруденции.**

А. Р. Сусанян с высокой вероятностью воспринимает словосочетание *должностное преступление* в речи П. А. Самсонова как выражающее смысл «предосудительный, недопустимый с морально-этической точки зрения поступок, не являющийся уголовно наказуемым деянием».

Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Уголовным процессуальным кодексом РФ, Гражданским процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Члены комиссии экспертов-лингвистов:

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС,
академик РАЕН, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской словесности
и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

*М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН*

м.п.

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Пер.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.